

ПОСТАТІ ТА ПРОБЛЕМИ

*Ольга Николенко,
д. филол. наук, проф.*

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ НИКОЛАЯ ЗЕРОВА НА СОЛОВКИ

У статті розглянуто життєвий і творчий шлях українського поета і перекладача Миколи Зерова, котрий у 1920-1930-х роках запропонував оригінальну концепцію розвитку української культури, спираючись на світові тенденції. Відзначено зв'язок митця з античністю, групою «Парнас», традиціями класичної літератури, у тому числі М. Гоголя. У числі інших письменників-неокласиків М. Зеров був репресований і розстріляний у 1937 році. У статті використано архівні матеріали, пов'язані із трагічними сторінками долі М. Зерова і всього «розстріляного відродження»

Ключові слова: неокласики, «Парнас», традиція, новаторство, образ, мотив.

В статье рассматривается жизненный и творческий путь украинского поэта и переводчика Н. Зерова, который в 1920-1930-х годы предложил оригинальную концепцию развития украинской культуры на основе мировых тенденций. Отмечена связь творчества художника с античностью, группой «Парнас», традициями классической литературы, в том числе Н. Гоголя. В числе других писателей-неоклассиков Н. Зеров был репрессирован и расстрелян в 1937 году. В статье использованы архивные материалы, связанные с трагическими страницами судьбы Н. Зерова и всего «растрелянного возрождения».

Ключевые слова: неоклассики, «Парнас», традиция, новаторство, образ, мотив.

The article deals with the life and creative works of Ukrainian poet and translator N. Zerov, who offered the unique theory on the development of Ukrainian culture on the basis of world tendencies. The connection of the artist with antiquity is studied as well with the group “Parnassus”, traditions of classical literature, including N. Gogol. Among other neoclassic writers N. Zerov was repressed and shot in 1937. The archive documents are used in the article concerning the tragic fate of N. Zerov and all “Ukrainian Renaissance”.

Keywords: neoclassic, “Parnassus”, tradition, innovation, image, motif.

Скільки раз снилась родная Малороссия, гоголевские места и жаркие летние дни украинским писателям, которые вошли в историю литературы как неоклассики и которые в 1930-е годы погибли на Соловках! Родившись на Украине, служа ей сердцем и словом, мечтая о расцвете украинской культуры в «духовной Европе», они не могли предположить, что за увлечение античностью, знание иностранных языков, переводы мировой классики (в том числе Пушкина и Гоголя) их будут судить и сошлют в холодный северный край на верную смерть.

Их было пятеро – «пятеро с Парнаса», как они себя называли: Николай Зеров, Максим Рыльский, Павел Филипович, Михаил Драй-Хмара и Освальд Бургардт (псевдоним Юрий Клен). Эти молодые поэты отличались высокой эрудицией и стремлением к традициям мировой культуры, которые они активно прививали украинской литературе в 1920-1930-х годах. Но, к сожалению, эта плодотворная деятельность была прервана репрессивной машиной.

Сегодня очень трудно восстановить то, что осталось после уничтожения группы неоклассиков. Создать музей о неоклассиках не представляется возможным, ведь нет достаточного количества экспонатов для него. Поэтому государственная телерадиокомпания «Лтава» решила создать документальный научно-популярный цикл «Соловецкие узники из Украины». Первый фильм из этого цикла «Николай Зеров» уже снят в 2010-ом году и вышел на украинские телеэкраны. Это фильм-экскурсия, фильм-исследование, который рассказывает не только о трагедии одного поэта, но и украинской культуры в сталинский период вообще.

Николай Константинович Зеров родился 26 апреля 1890 года в маленьком городке Зеньков на Полтавщине. Его отец был учителем, мать принадлежала к казацкому роду Яресек (как и мать Гоголя). Из пяти сыновей Зеровых (были еще две дочери) четверо стали известными людьми, в том числе Николай и Михаил (псевдоним Михайло Орест) известны как талантливые поэты и переводчики. Получив начальное образование в Зеньковской двухклассной школе, Зеров учился в Ахтырской гимназии (1900-1903), а потом – в Первой Киевской гимназии (1903-1908), где в то время учились и К. Паустовский, и М. Булгаков. С 1908-го года Н. Зеров учится на историко-филологическом факультете Киевского университета. Его первые научные труды связаны с исследованием древнерусских летописей и классической литературы.

После окончания Киевского университета Николай Зеров работал учителем в небольшом городке Златополь под Киевом. Вместе со своим другом П. Филиповичем он организовал чтение публичных лекций о культуре (просветительскую деятельность в Златополе ему позднее вменяют в вину на допросах в 1935-ом году). В 1917-м году Н. Зерова пригласили на должность преподавателя украинского языка во Вторую Киевскую украинскую гимназию имени Кирилло-Мефодиевского братства, впоследствии он станет профессором Киевского университета. С Киевом связаны годы творческого расцвета Н. Зерова.

В 1918-ом году, в самый разгар гражданской войны, когда Киев переходил к разным политическим силам (о чем писал М. Булгаков в романе «Белая гвардия» и «Дни Турбиных»), Н. Зеров опубликовал свой первый перевод – «Четвертую эклогу» Вергилия. Вслед за античными поэтами Н. Зеров поднимался к вершинам классических форм.

В 1920-ом году Н. Зеров женился на Софии Лободе. А в 1924-ом году вышел первый сборник поэта – «Камена», куда были включены переводы автора из античной литературы, а также его оригинальные стихи. Слово «камена» латинского происхождения: так звали в Древнем Риме богинь-покровительниц искусства.

Стихотворения, которые вошли в «Камену», были написаны в местечке Барышевка, куда в 1921-ом году приехали киевские деятели культуры в трудные годы разрухи и голода. Приехал туда со своей женой и Н. Зеров, и молодой писатель и критик Виктор Петров, который избрал себе псевдоним Виктор Домонтович. Он познакомился с Н. Зеровым, они стали друзьями.

Но В. Петрова больше интересовала С. Лобода, в которую он был влюблен долгие годы. Любовный треугольник Петров – София – Зеров станет роковым для каждого из них...

Уже в 1920-е годы новое поколение украинских интеллигентов обращается к европейским духовным ценностям, а также переосмысляет свое национальное наследие. Формируется новое видение культурного процесса. Критик и литературовед С. Ефремов выступил тогда со статьей «Между двумя душами» [1, 141-142], где писал о том, что «две души» Н. Гоголя – украинская и русская – стали источником его гениальности и вместе с тем источником его великой трагедии. М. Драгоманов указывал, что, «хотя на основе новой литературы поднимался гений Н. Гоголя, но сделал переворот в литературе он не у нас, а в Московщине! А мы же остались далеко позади» [2, 425.].

Н. Гоголя украинские писатели 1920-1930-х годов воспринимали не только как трагическую фигуру, но и как писателя, в котором необычайно сильно проявилось национальное и антиимперское начало. Поэтому гений Н. Гоголя давал повод неоклассикам и тем, кто был близок к ним, поразмыслить о национальном самоопределении, о создании новой украинской литературы. Фигура Н. Гоголя стала знаковой в полемических статьях Н. Хвылевого, П. Филиповича, В. Петрова, Д. Чижевского... В статье «Петербургские повести Н. Гоголя» [3, 266-320] В. Петров акцентировал внимание на гоголевском влиянии на модернистскую литературу. В. Петров также исследовал проблему, как столица искажает духовный облик гоголевских персонажей – людей уничтоженного, измененного «я» с расколотым сознанием и двойной жизнью.

Н. Зеров тоже придет к Н. Гоголю, и это будет связано с его эстетической концепцией, которая формировалась в 1920-1930-е годы. Неоклассики больше всего ценили красоту, эстетическое совершенство в литературе. В отличие от социологических подходов, они утверждали значение художественности. «Красота прежде всего!» – такой лозунг был выдвинут Н. Зеровым и положен в основу его эстетики и поэтики.

Служение Красоте объединяет группу неоклассиков с французской группой «Парнас». Поэтому украинские поэты создают многочисленные переводы стихотворений парнасцев, а Н. Зеров в программном сонете «Pro domo» (с латинского «В защиту») утверждает, что дорогу новой поэзии указывает «классическая пластика» и «контур строгий», а к вершинам искусства можно подняться только вслед за «созвездием парнасских звезд» [4, 66]. Н. Зеров борется против серости и массовости в искусстве, отстаивает высокое предназначение поэзии – нести в мир Красоту.

Поэт О. Бургардт (Ю. Клен) вспоминал: «Зеров учился не только у парнасцев, но еще и у античных поэтов... Всегда я заставлял его за переводами Вергилия, Горация, Марциала и других, а все молодые поэты учились языку у Зерова. Богатство его словаря было несравненным. Даже Тычина и Рыльский давали ему перечитывать свои рукописи перед тем, как их печатать. Это был человек, который удивлял своей выдающейся памятью,

он мог цитировать целыми страницами не только украинских авторов, но также Пушкина и античных поэтов» [5, 194]

Не случайно в 1930-е годы Н. Зеров обратится к переводу повести Н. Гоголя «Портрет», в которой его привлекает образ художника и духовная миссия искусства.

В 1925-1928-м годах в Украине была развернута широкая дискуссия о путях развития украинской культуры. В это время Н. Зеров выступил с серией статей под названием «Ad fontes!» («К истокам!»). В них писатель открыто призывал ориентироваться на достижения европейского искусства.

Н. Зеров писал: «Для развития украинской культуры необходимо три вещи: усвоение опыта мировой литературы; усвоение нашей литературной традиции и переоценка нашего литературного наследия; требовательность в искусстве, повышение технических критериев к начинающим писателям» [6, 572].

В этой дискуссии неожиданно совпали позиции представителя группы неоклассиков Н. Зерова и лидера пролетарского направления Н. Хвылевого, который также выступал не только за новое содержание литературы, но и за совершенство художественных форм. Однако уже в середине 1920-х годов такая позиция расценивалась властью как «вредная» и даже «опасная». В Постановлении Политбюро ЦК КП(б)У от 10 апреля 1925 года Н. Зеров и другие неоклассики были названы «попутчиками». Таким образом, курс писателей-неоклассиков на культурную связь с буржуазной Европой был расценен как антисоветский курс.

В 1929-ом году в Украине происходил так называемый процесс «СВУ» Это была вымышленная НКВД организация – «Спілка Визволення України», за участие в которой привлекались многие деятели культуры. Среди арестованных был литературовед С. Ефремов, по делу проходили также близкие Н. Зерову люди – его брат М. Зеров, М. Рыльский, А. Лебедь. Н. Зерова пока еще не арестовали, но допрашивали как свидетеля и упрекали в отрыве от широких масс, в ориентации на буржуазную Европу.

Процессы начала 1930-х годов стали ключевыми в судьбе украинской интеллигенции. Отправили на Соловки С. Ефремова. Следом за ним там окажутся писатель Н. Кулиш и режиссер Л. Курбас. Арестовали М. Рыльского. Фактически он первый из неоклассиков попал в застенки НКВД, и если бы не личное участие в его судьбе Н. Хрущева, то он погиб, как и многие другие. В 1933-м году в Харькове трагически покончил жизнь самоубийством Н. Хвылевой. Это был его протест против насилия. Н. Зеров понимал, что он вскоре станет очередной жертвой. Его уже почти не печатали, заклеили на собраниях как «неоклассика» и «буржуазного националиста».

В те годы нельзя было доверять даже близким друзьям. В. Петров (В. Домонтович) стал сотрудничать с органами НКВД. Он готовил некоторые материалы по процессу «СВУ», тайно следил за своими друзьями, в том числе и за Н. Зеровым. Блестящий талант В. Петрова как исследователя литературы и писателя был придушен. В 1930-м году он защитил

диссертацию о П. Кулише, но после этого не написал фактически ни одной строки о литературе, потому что это стало опасно. Он ушел в археологию, в историю, но и там надолго не задержался. В 1940-х годах В. Петров (В. Домонтович) будет сотрудничать с советской и с немецкой разведкой (обретая новый псевдоним В. Бер). Понимая всю унижительность этого сотрудничества, он впоследствии за границей напишет книгу «Украинская интеллигенция – жертва большевистского террора» (1949).

Осенью 1934-го года Н. Зерова на собрании в Киевском университете осудили как «матерого революционера». Вскоре его сняли с должности, лишили права читать лекции. В конце 1934-го года умер от скарлатины его единственный сын Костик. Душевное состояние писателя было тяжелым. На Лукьяновском кладбище в Киеве Н. Зеров прощался с сыном и уже фактически прощался и со своей жизнью...

Друзья советовали Н. Зерову уехать из Киева, потому что вполне реальной была угроза ареста. И он уезжает в Москву, где его знали как выдающегося переводчика. Н. Зеров поселился у знакомых на станции Пушкино, на улице Гоголевской, 1. В 1930-х годах он работал над украинскими переводами повестей Н. Гоголя, а также над переводом драмы А. Пушкина «Борис Годунов» (который вышел под чужим именем). Переводил он и поэму Вергилия «Энеида» (этот перевод не сохранился), произведения и других античных авторов, и стихи украинских поэтов на русский язык. В антологии «Римская литература», вышедшей в Москве в 1939-ом году, переводы Н. Зерова из Горация, Авзония, Клавдиана и другие были опубликованы анонимно.

В переводе стихотворения Овидия «Арион» Н. Зеров создал образ певца, в судьбе которого он увидел и свою трагическую гибель:

*Только отплыл ты, как кормчий, мечом сверкнув обнаженным,
Встал пред тобой, а за ним – вся заговорщиков рать.
Не преклонился певец: «Я готов умереть, - говорил он, -
Но лишь прощальную песнь вверю я лире моей!»
Так, в белоснежный висок пораженный жестокой стрелой,
В небе прощальную песнь жалобно лебедь поет... [4, 488]*

27 апреля 1935 года сотруднику НКВД Сафонову был выдан ордер на производство ареста и обыска у Н. Зерова. Поэта арестовали на его квартире в Пушкино как «активного участника контрреволюционной террористической организации». Уже на первом допросе Н. Зерову вменяли террористическую пропаганду и буржуазный национализм. В начале декабря 1934 года Н. Зеров зашел к М. Рыльскому по поводу переводов В. Брюсова и А. Фета. При этом присутствовал также молодой поэт С. Жигалко. На квартире у М. Рыльского читались и разбирались стихи, в том числе Н. Зеров цитировал стихотворение П. Кулиша «Кобзо моя, непорочна утіхо...», написанное в первую годовщину смерти Т. Шевченко. Там были строки «Заспіваймо, брати, при порожніх столах, посумуймо, брати, по померлих братах...», которые следствие расценило как панихиду по расстрелянному

поэту Г. Косынке – о нем и о других репрессированных вспоминали в тот день писатели.

Начиная с первого допроса 28 апреля 1935 года, Н. Зеров вел себя достойно: он никого не выдавал, не порочил и даже о мертвых говорил хорошо. 20 мая 1935 года Н. Зерова перевели из Москвы в Киев, где поэта вновь допрашивали, а на его киевской квартире также был произведен обыск. Следователю Литману пришлось провести несколько десятков допросов Н. Зерова. Поэта спрашивали о «политической физиономии» многих деятелей культуры, о кружках и литературных организациях того времени, о его статьях и выступлениях, о лекциях в Киевском университете, о художественных произведениях и переводах, но ничего особого Н. Зеров в своих показаниях (которые, как известно, выбивались физически) не сказал.

Еще до ареста Н. Зерова под следствием уже находились молодой поэт Марк Вороной (сын поэта-модерниста Николая Вороного) и художник Борис Пилипенко (их арестовали в середине апреля), у которых были изъяты украинские книги, в том числе сочинения С. Ефремова, М. Грушевского и Н. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки»!). Ход допросов не устраивал следователя Литмана, системе нужна была именно «организация», поэтому Н. Зеров был арестован как участник этой несуществующей «контрреволюционной террористической организации».

К этой же мифической организации причислили поэтов П. Филиповича и М. Драй-Хмару, критика А. Лебеда и учителя из Чернигова Л. Митькевича (последний был арестован совершенно случайно). Им вменяли пропаганду националистических буржуазных взглядов, организацию террористических актов и даже покушение на Постышева и Балицкого в канун Первомайских праздников, поэтому аресты произошли незадолго перед 1 мая 1935 года. М. Рыльский, который также проходил также по этому делу, не был арестован, находясь под покровительством Н. Хрущева (М. Рыльский уже написал к тому времени «Песню о Сталине», которая понравилась вождю).

Следствие не было долгим, участники «контрреволюционной террористической организации» признали себя виновными (кроме М. Драй-Хмары).

В начале мая 1936 года Н. Зерова привезли в Ленинград, где он оказался в пересыльной тюрьме возле Александрово-Невской лавры (ул. Константиноградская, 6, сейчас – ул. Миргородская).

А дальше – пересыльный пункт в г. Кемь, куда попадали те, кого направляли на Соловки (Соловецкий лагерь особого назначения – СЛОИ, позднее Соловецкая тюрьма особого назначения – СТОИ). Там их муштровали, сортировали, формировали в роты, грузили на баржи и вывозили на Соловецкие острова. Избитые, голодные, раздетые, они плыли по Белому морю туда, откуда редко кто возвращался... На Соловках погибло около миллиона человек. Вместе с Н. Зеровым заключение на Соловках отбывали П. Филипович, М. Вороной, Л. Курбас, Н. Кулиш, П. Флоренский, Л. Митькевич и многие другие представители интеллигенции, духовенства, культуры. Собственно, «особое назначение» Соловецкого лагеря состояло в

том, чтобы подавить инакомыслие, изолировать тех, кто был наиболее опасен своей мыслью, словом, творчеством. Но и на Соловках в нечеловеческих условиях заключенные занимались искусством. Н. Зеров, который по состоянию здоровья не мог работать на лесоповале, убирал помещения, а в редкие свободные минуты продолжал писать. Он переводил Овидия, Байрона, Лонгфелло, просил жену прислать ему французских авторов.

После прихода на должность наркома внутренних дел СССР Н. Ежова в сентябре 1936 года по стране прокатилась новая волна репрессий. Все население было подвергнуто «чисткам», которые приобрели особо страшные масштабы в 1937-1938-м годах. На каждую область, район, город были спущены «лимиты» на репрессии, тюрьмы были переполнены, а лагеря не могли вместить такого количества людей, поэтому власть приступила к «чистке» лагерей. Это касалось и Соловецкой тюрьмы.

В последнем письме к жене (сентябрь 1937 года) Н. Зеров писал: «Родная моя Сонюшка! Занятия мои идут в прежнем порядке. Все тот же Вергилий, все тот же Лонгфелло, Шекспир еще ожидает своей очереди... Из новых моих аппетитов, о которых я писал тебе, кажется, по-настоящему проявился только один. Я почти ежедневно час-другой сижу над итальянской грамматикой. Это совсем не трудно, за исключением глагола – помогает латынь, несколько меньше французский. Уже мог бы читать «Божественную комедию»... Если можешь, не оставляй меня без денег. К весне из носильных вещей мне понадобятся калоши» [7].

Калоши Н. Зерову к весне уже не понадобились... Дата смерти его долгое время оставалась неизвестной. Когда София Зерова обратилась в органы НКВД за справкой, ей ответили, что он умер в больнице в 1938-м году, впоследствии ей сказали, что он умер в 1941-м (тогда уже и Соловецкой тюрьмы не существовало).

Теперь дата и место смерти установлены точно. 9 октября 1937 года Н. Зерову, П. Филиповичу, М. Вороному, Л. Курбасу, Н. Кулишу и еще сотням заключенных была вынесена «высшая мера». Их расстреляли 3 ноября 1937 года в урочище Сандормох (в Карелии, недалеко от г. Медвежьегорск) «в честь 20-летия Великого Октября» [8, 724].

М. Драй-Хмара, которого также арестовали в 1935-м году, не подписал признаний, поэтому его дело выделили отдельно, и вместо Соловков он попал на Колыму. Поэт, которому удалось сделать блестящий перевод шедевра С. Малларме «Лебедь», в бухте Охотского моря промывал золотой песок. Не выдержав тяжелых условий и непосильной работы, М. Драй-Хмара умер 19 января 1939 года.

Из всей «группы Н. Зерова» чудом уцелел только учитель Леонид Митькевич. В своем заявлении Председателю Верховного суда УССР от 19 июля 1956 года он просил пересмотреть свое дело и реабилитировать его. Ему уже было тогда 60 лет. Он писал: «Мне сейчас понятен процесс суда – это была ставка на уничтожение украинской интеллигенции, а я – маленький человек был нужен в этом процессе как лицо, которое можно было бы заставить подписать все, что мне подсунут, но враги народа просчитались»

[9]. Гоголевський образ «маленького человека» не випадково з'явиться в заявленні цього бывшего заключеного, який провів в таборах 11 років і три місяці, заболів там туберкульозом, став епілептиком і повернувся інвалідом... Це свідчення очевидця ядро розкриває сутність репресивної системи.

Після смерті Н. Зерова Софія ще довго про нього нічого не знала, її становище як «жени репресованого» було складним. А В. Петров, незважаючи на трагічні обставини і калічену тоталітарною машиною долю, підтримував Софію. Він пережив війну і еміграцію, вимушене співробітництво не тільки з радянським, але і з німецьким режимом. В 1952-м році його викрали з Німеччини, а, швидше за все, – перевели в Москву, оскільки його місія за кордоном була закінчена. Ще довгий час він не побачить свою кохану, але буде їй часто писати. І все-таки він повернувся в Київ в 1956-м році, через рік вони одружилися. Їм було в той час 63, їй – 67 років. Вони прожили разом 12 років, видали про Н. Зерова спогади, склали збірник його творів. В. Петрова поховали на військовому Лук'янівському кладовищі (там поховали співробітників НКВД-КГБ). Софія померла в 1985-м (так і не знаючи, де і коли загинув її перший чоловік Н. Зеров), а в заповіті просила, щоб її прах після кремації поховали в могилі В. Петрова. Заповіт був виконаний...

Є непоправимі втрати... З смертю Н. Зерова оборвалася діяльність не тільки одного з талановитих українських поетів ХХ століття, але і ціле напрямлення в українській поезії. Повернення української літератури до традицій світової культури тривало потім кілька десятиліть.

1. *Єфремов С. Між двома душами // Єфремов С. Літературно-критичні статті.* – К., 1993.
2. *Драгоманов М. Шевченко, українофіли і соціалізм // Драгоманов М. Вибране.* – К., 1991.
3. *Петров В. Петербурзькі повісті М. Гоголя // Сорочинський ярмарок на Невському проспекті: Українська рецепція Гоголя.* – К., 2003.
4. *Зеров М. Твори в 2-х т. Том 1. Поезії, переклади.* – К., 1990.
5. *Спогади Ю. Клена // Київські неокласици.* Київ, 2003.
6. *Зеров М. Твори в 2-х т. Том 2. Історико-літературні та літературознавчі праці.* – К., 1990.
7. *ДА СБ України. Ф. 6. Спр. 48570-ФП. Т. 6. Арк. 359. Оригінал. Рукопис.*
8. *Остання адреса. Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937-1938 роках.* – К., 2003.
9. *ДА СБ України. Ф. 6. Спр. 48570-ФП. Т. 7. Арк. 359. Оригінал. Рукопис.*

**Ярослав Поліщук,
д. філол. наук, проф.**

СЛАВІСТИЧНІ АМБІЦІЇ МИХАЙЛА ДРАЙ-ХМАРИ

Автор аналізує дві славістичні праці відомого українського поета і вченого Михайла Драй-Хмари (1889–1939). Вони були написані в 1929 році, в час «великого перелому». Аналізовані статті М. Драй-Хмари присвячені станові славістичної науки в Україні, а також творчості видатного польського письменника-модерніста Казимежа Тетмаєра. У них проявилися як ерудиція й талант автора, так і страшна влада цензури.